

Игорь Минаков, Максим Хорсун

Корабль гурманов vs бетонный линкор

*Часть сборника
А зомби здесь тихие (сборник)*

Игорь Минаков

**Корабль гурманов
vs бетонный линкор**

«ЭКСМО»

2013

Минаков И. В.

Корабль гурманов vs бетонный линкор / И. В. Минаков — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-457-35254-4

«...Меня смыло волной за борт переполненной беженцами лохани. Долгое время я провел в воде, служа кормом для рыб. Ветры и течения отнесли мое тело от Бангкока к берегам Камбоджи. Там я угодил в противоторпедное заграждение, установленное мертвослужащими с дредноута «Уроборос». – Эй, дружище! – окликнули меня матросы. Они подошли к заграждению на катере. Дредноут, похожий на стальной остров, стоял на якоре неподалеку. – Ты мертв? – Мертв, – булькнул я...»

ISBN 978-5-457-35254-4

© Минаков И. В., 2013

© Эксмо, 2013

Игорь Минаков, Максим Хорсун

Корабль гурманов vs бетонный линкор

Меня смыло волной за борт переполненной беженцами лохани. Долгое время я провел в воде, служа кормом для рыб. Ветры и течения отнесли мое тело от Бангкока к берегам Камбоджи. Там я угодил в противоторпедное заграждение, установленное мертвослужащими с дредноута «Уроборос».

– Эй, дружище! – окликнули меня матросы. Они подошли к заграждению на катере. Дредноут, похожий на стальной остров, стоял на якоре неподалеку. – Ты мертв?

– Мертв, – булькнул я.

– Вот и отлично! – оскалились матросы. – Добро пожаловать на флот!

На дредноуте со мной первым делом побеседовал заместитель командира по работе с личным составом.

– Какие планы на жизнь после смерти? – спросил он, закуривая трубку.

Я задумался. Все, что случилось со мной за тридцать лет, люди, окружавшие меня эти годы, мои привязанности и интересы – все казалось сейчас таким никчемным. Кем я был? Зачем? Имело ли смысл? Волна, смывшая меня с транспортного корабля, точно лезвие Оккама, отделила все бессмысленное и наносное, оставив квинтэссенцию моего «я».

– Ну, может, навестить кого-то хотел? – подсказал, видя мое смущение, заместитель командира.

Я покачал головой.

– Сынок. – Офицер посмотрел мне в глаза. – У нас тут война. И ты отныне – на нашей стороне. Живых осталось мало, но они в очередной раз отказались вести мирные переговоры. И наш дредноут – самый мощный боевой корабль Южного Флота Мертвечества – идет, чтобы всыпать гордецам по первое число. Присоединяйся, будет весело.

И я согласился. А почему бы и нет? Мир здорово изменился за последние годы. Сначала – эпидемия, затем – атомная война, развязанная живыми против мертвых. Земля была уже не той планетой, о которой нам рассказывали на уроках географии. И где еще, как не на флоте, у меня будет возможность посмотреть свет?

– Знаешь, ты сильно раскис в воде, – оценил заместитель командира. – Да еще рыбы постарались... Пожалуй, тебе можно сразу дать вторую степень разложения. Матрос второй степени разложения! Что скажешь? Звучит! Я распоряжусь, чтоб подготовили приказ.

Так я присоединился к команде «Уробороса».

Взамен гнилых лохмотьев, в которые превратилась моя одежда, баталер выдал новенькую форму, фуражку-начерепушку и белые парусиновые тапочки. Боцман – лежалый темнокожий труп с нравом старого простатника – позволил занять свободную шконку в кубрике. К этому времени подоспел приказ о моем назначении на камбуз. Служить мне предстояло под началом кока – мумии-лейтенанта Гробушко.

Это назначение меня обрадовало. На камбузе работа не пыльная. Можно сказать – привилегированная. К тому же я не ел с тех пор, как умер. Специфический голод живого мертвеца одолевал меня, мешал сосредоточиться, и порой было трудно вразумительно отвечать на вопросы вышестоящих по званию. Поэтому я попросил боцмана отправить меня на камбуз незамедлительно.

«Уроборос» был огромен. Коридоры и трапы образовали многоэтажный лабиринт, в котором я бы блуждал, наверное, неделю, прежде чем смог бы найти нужный отсек или просто вернуться назад. Скрипел под ногами потертый линолеум, гудели лампы под массивными плафонами из матового стекла. Туда-сюда пробегали мертвячки разных чинов, все

были заняты делом. Палуба ощутимо вибрировала: дредноут набирал ход, направляясь из Сиамского залива в Южно-Китайское море.

– Обычно ребятам дают неделю на то, чтобы живчик расчехлился, – предупредил боцман. – Хочешь – лежи на шконке и смотри в подволоку. Хочешь – учи корабль и кто есть кто на его борту. Спрашивай, надоедай. Не освоишься через неделю – выкинут на корм акулам. Нам не нужны на борту тупые зомбаки. Заметано?

– Заметано, – не стал спорить я.

– Вот, кстати, и камбуз...

Какой могла быть кухня у ходячих мертвецов?

Я ожидал увидеть нечто среднее между скотобойней и средневековым моргом, однако камбуз оказался самым обыкновенным: просторным, хорошо освещенным отсеком. Газовые плиты, стоящие в ряд, были окружены штормовым ограждением, а сами крепились на карданных подвесах, предохраняющих от качки. Вдоль переборки висели начищенные до блеска сковородки, половники, лопатки и прочая утварь. Полки ломились от жестяных коробок с крупами, пряностями и макаронными изделиями. Тускло поблескивали башни из кастрюль, составленных одна в одну. За столами работали одетые в белоснежные поварские кители мертвецы. Кто-то резал лук, кто-то шинковал морковь, кто-то разделявал курицу.

Боцман представил меня коку.

– Это – Обглоданный, товарищ мумии-лейтенант. Рвется послужить Мертвечеству. Оголодал, несколько недель – на одной морской воде.

Гробушко смерил меня взглядом бельмастых глаз.

– Ммм... – протянул он, поправляя на себе китель. – А чем занимался, пока не сдох?

– Сначала работал сисадмином, – принялся перечислять я, – потом – модератором компьютерных игр в социальных сетях.

Кок понимающе кивнул. А я пожаловался:

– Вырвался с девушкой в Таиланд, а тут эта херня с вирусом. Почти два года просидели в Бангкоке, никто не хотел эвакуировать.

– Ммм... – снова протянул Гробушко. Не знаю почему, но я сразу проникся к коку доверием. Веяло от него какой-то простой мертвецкой мудростью. – На какой процесс бы тебя поставить... На салаты? На бульоны и жульены?

Пока кок размышлял, боцман сграбастал меня за шкирку и выкинул в коридор.

– Не смей вспоминать о том, что было раньше! – прошипел он мне в лицо. – Теперь ты – покойник, сынок! Гордись этим! Слыхал, наверное: «Все мы – живые, все мы – несовершенные...» – проблеял боцман козлиным голосом, а затем приосанился и рявкнул: – Верно, черт возьми! Только мертвые – совершенны!

Я поспешил заверить боцмана, что забуду, кем я был и что больше такая ерунда не повторится. Тогда тот расправил на мне форменку, потрепал по обглоданной щеке и, наказав зубрить устав, ушел по своим делам. Я же вернулся на камбуз.

– О! – Гробушко отвлекся от кастрюли, в которой бурлил кипяток, указал на меня половником. – Вынести мусор и отдраить палубу!

– Есть! – ответил я и бросился к ближайшему мусорному ведру. Вытащил из него пакет, набитый овощными очистками, кинулся к следующему ведру... Ничего сложного. Нагрузившись, я выскользнул из камбуза. Контейнер для мусора находился поблизости. Мне рассказали, как его найти, так что блуждать по коридорам пришлось недолго. Потом пришлось браться за квачу и драить палубу.

Жутко хотелось есть. То, что осталось от моего носа, чуяло запах куриной крови. И когда я вернулся на камбуз, Гробушко разрешил заморить червячка. На свободном столе меня ждала тарелка, в которой, как ни странно, дымились вареный корень сельдерея и несколько

бобов. Я с обидой поглядел на кока, но тот уже занимался ужином для офицеров. Мне пришлось довольствоваться тем, что дали.

Так началась моя служба. Я не знал, что такое усталость. Днем вкалывал на камбузе, ночами – учил устав и ТТХ «Уробороса».

Наш корабль одним своим видом мог вогнать живых в трепет. Морские лорды Мертвечества проектировали его по принципу «только большие пушки». Вооружение «Уробороса» составляли десять 305-миллиметровых орудий, размещенных в пяти бронированных башнях, – в них заключалась наша основная ударная сила. Тридцать 76-миллиметровых пушек, разбросанные повсюду – от казематной части корабля до верхних палуб, – предназначались для защиты дредноута от малых кораблей. Кроме того, на «Уроборосе» были пять торпедных аппаратов и шестнадцать автоматических зенитных пушек.

Мумии-лейтенант Гробушко, как я и предполагал, оказался порядочным мертвецом и добрым начальником. Более того, для меня он стал кем-то вроде гуру, открыв мне – недавно еще живому – духовные основы Мертвечества.

– Спаржевый супчик, луковый супчик, куриный бульон с половинкой вареного вкрутую яйца, – перечислял кок, с хрустом загибая окостеневшие пальцы, – все дело в том, чем мы питаемся, Обглоданный. Инстинкт толкает нас на поедание кровотокающей плоти, но если мы подчинимся инстинкту, то потеряем разум. Понимаешь, сынок, после смерти пищеварение не прекращается, но процесс этот идет не так, как у живых. Он осложнен всякой всячиной и, тем не менее, продолжается.

Дело было после ужина. Мы с Червивым – матросом первой степени разложения – притащили из кубрика пустой котел, в котором был подан нижним чинам гороховый суп-пюре. Червивый пошел назад, чтобы забрать самовары, а я залил котел водой с чистящим средством и взялся за мытье. Гробушко был на камбузе: грыз сушку и пил чай. Коку хотелось поговорить, а я, занимаясь делом, мотал на ус.

– Если мы набьем брюхо сырым мясом, то оставшаяся после жизни энергия в наших телах уйдет на то, чтобы переварить эту дрянь...

Когда речь зашла о сыром мясе, я невольно сглотнул.

– ...и мы превратимся в тупые, малоподвижные пугала, – продолжал Гробушко. – Станем такими, какими нас показывают в кино. И продлится такое состояние неделю или даже месяц. С нами в это время можно будет делать все, что угодно: жечь из огнемета, взрывать или даже пилить бензопилой. – Кок со вкусом хлебнул чаю, бросил в безгубый рот четвертинку сушки. – Ну, так вот... В конце концов мертвым удалось преодолеть инстинкты. Зов крови – порочный зов. Для того чтобы выжить в мире, поработанном живыми, нам нужен разум. Мы не имели возможности ждать тысячелетия, пока о нас позаботится эволюция. Мы поняли, что секрет заключается в правильном питании и сбалансированной диете, которая полностью исключает тяжелую для пищеварения еду. – Он со стуком поставил кружку. – Поэтому у меня на камбузе не держатся мертвячки, которые облизывают ножи после разделки курицы. Тебе ясно, Обглоданный?

Мне стало стыдно. Если бы я был живым, то непременно бы покраснел.

Незаметно прошла неделя. Однажды я пошел к мусорному контейнеру, чтобы выбросить очистки, но на обычно пустынной палубе меня ждала толпа матросов во главе с Червивым.

– Ну что, живчик, – обратились они ко мне, обступая со всех сторон. – Как служится? Много знакомых букв нашел в уставе? Успел душой прикипеть к кораблю? Ну-ка, быстро: сколько турбин, сколько котлов на «Уроборосе»?

Дело в том, что мертвецам чужда злоба. Все плохое, что могло с нами случиться, уже случилось: мы умерли. Мы не чувствуем боль или страх. Мы не желаем причинять вред ближним. Хотя бы потому, что просто не видим в этом смысла.

В общем, не прошло и десяти минут, как я под одобрителное гиканье и свист уже отплясывал «яблочко» в кругу остальных матросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.